

18+

Константин
Крюгер

С любовью за любовь
сборник рассказов

Константин Крюгер

С любовью за любовь.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25557631

ISBN 9785448539190

Аннотация

Сборник продолжает бытописание жизни близких, друзей и приятелей автора в период советской социалистической реальности с небольшими вкраплениями из более поздних периодов. В четвертой книге участвует большая часть персонажей предыдущих опусов, да и места действия не сильно разнятся. За произведения, составившие вторую и третью книжки, конкурсная комиссия Проза.ру номинировала автора на соискание национальной литературной премии «Писатель года» за 2017 год и литературной премии «Наследие».

Содержание

Предисловие	7
Неожиданные отзывы читателей	10
Из цикла «Друзья»	13
Les Dames de Pierre1	13
В Ленинград	29
«Orient» на жизнь	42
Конец ознакомительного фрагмента.	71

С любовью за любовь

Сборник рассказов

Константин Крюгер

Дизайнер обложки Олеся Топоркова

Редактор Юлия Бирюкова

Фотограф Борис Плинер

Фотограф Александр Штоль

Фотограф Эдуард Умников

© Константин Крюгер, 2021

© Олеся Топоркова, дизайн обложки, 2021

© Борис Плинер, фотографии, 2021

© Александр Штоль, фотографии, 2021

© Эдуард Умников, фотографии, 2021

ISBN 978-5-4485-3919-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга, как и все предыдущие, отдаёт дань светлой памяти друзьям и близким, безвременно покинувшим этот мир: младшему брату Борьке, Борису «Ра» Раскольникову, Косте «Малышу», Мишке «Нильсону», Эдику «Родственни-

ку», Валерию Василевскому, Игорю «Бамбине», Александру «Полковнику», Николаю «Куке», Шуре «Помидору», Вовке «Осташке», Косте «Моське» и, к сожалению, многим другим, здесь не упомянутым...

Совсем недавно ушёл от нас замечательный человек, ставший мне ещё одним младшим братом, **Андрей Немков**. Он принимал активное участие в работе над моими опусами в качестве литературного критика и консультанта. Андрюхе и посвящается эта книга!

Большая часть рассказов обязана своим появлением друзьям юности, молодости и всей жизни – Андрюшке «Крексу», Колюньке «Ленинскому Стипендиату», Мишке «Хиппи», Андрюхе «Брату» Чежидову, Шурке «Портосу», Мишке «Рыбе», Григорию Ивановичу, Сергуне Робертовичу, Сашку «Штейну», Вове Очневу, Алёнушке Игоревне, Мишке «Алхимику», Умному Петровичу, Игорю Солдащенскому и, конечно, близким родственникам – «Братцу» Мише и Матери Марии. Все они и ныне воодушевляют меня на новые свершения.

Я хочу выразить искреннюю признательность и пожелать долгих и плодотворных лет жизни своему любимому редактору, а также критикам и рецензентам Александру и Евгению «Джеффу» и, конечно, мэтру Ильичу.

Низкий поклон очень талантливой, молодой, но уже востребованной художнице Олесе, дочери моего близкого друга, создавшей обложку этой книги. Необычная задумка и за-

мечательное исполнение превзошли мои самые смелые ожидания.

Предисловие

Всю жизнь, сколько себя помню, не могу оторваться от книг. Читать я полюбил с раннего детства, и мир литературы поглотил меня целиком. С удовольствием читаю сидя, стоя, лёжа, на ходу, на бегу, в метро, автобусе, самолёте; куда бы ни заносила быстротекущая и такая увлекательная жизнь.

При этом я не стал фантазёром – «дэйдримером», а всегда относился к прочитанному очень прагматично: книги помогали в изучении и покорении окружающего мира.

Предпочитая твёрдо стоять на земле, я не трансформировался в «тонко чувствующую творческую натуру», на что мне неоднократно пеняли обе дочери. Но некая толика романтизма всё же проникла в естество, не напрасно близкая подруга величала меня «прикладным романтиком», вкладывая в это прозвище очень чувственный смысл.

Один из здравствующих ныне друзей периодически упрекает в том, что в рассказах я все интересы нашей бурной молодости низвожу до телесных радостей в состоянии алкогольного опьянения: «Декорации другие, жизнеописание интересное, но все крутится вокруг одного и того же: выпивка и девушки. Оно, наверное, так и есть в жизни, но боюсь, что тем, кто уже почитал твои прошлые вещи, в какой-то момент новые станут не интересны!».

Вынужден с ним не согласиться; вышедший десяток лет назад и ставший культовым отечественный фильм «Дикари», живо напомнил Гурзуфскую «страду» и в значительной мере подтвердил, что и в текущий период развития цивилизации никто не отменял ни употребления веселящих напитков, ни взаимной тяги полов.

В опусах я намеренно не морализирую и практически не поднимаю высоких тем – всё это задолго до меня великолепно выполнило множество Великих и не очень – честь им и хвала!

Моя цель – вспомнить без прикрас друзей со всеми их достоинствами, недостатками и пороками, и ту замечательную эпоху, которая стала частью самых прекрасных лет – юности, молодости и занимательного процесса взросления.

Профессионально натренированная в отроческие годы память сумела сохранить даже совершенно незначительные моменты жизни и приметы времени, приводящие ныне самого в изумление. Легче всего описывать запомнившиеся случаи и их участников документальным пунктиром, совсем не внося (или минимально) в рассказы чувства и ощущения, переводя их, таким образом, в разряд репортажей с места событий или чистое бытописание того периода и строя.

Но всё общение было пропитано такой светлой нежностью и трогательной заботой, присущей утраченному «Благородству 70-х», со стороны друзей, родных и близких, а порой

и далёких, что в опусах я стараюсь хоть малой толикой душевной привязанности и сердечной теплоты к своим персонажам отплатить за ту окружавшую искреннюю любовь и преданность!

Неожиданные отзывы читателей

Автор, как рассказчик, часто удивляет своей лаконичностью, и в то же время, чёткостью в описании образов: нет лишней чувственности, эмоциональных «сюсюканий», но настроение и отношение к описываемым событиям отлично представлено: взгляд настоящего мужчины, предлагающего посмотреть на события и определить своё отношение к ним. Поэтому чувствуешь себя свободно, как читатель и с удовольствием распоряжаешься своими эмоциями: здесь я с героями, здесь, пожалуй, отойду и посмотрю со стороны (но не уйду!!!), а здесь останусь в светлой печали или в собственных ассоциациях.

Возможно, не все 100% нашего поколения (плюс – минус 10 лет), с восторгом пройдут с автором по его рассказам, но многим это доставит большое удовольствие встречей со своей юностью, памятью о другой стране, воспоминанием о чистых и глубоких дружеских отношениях, когда «своих не бросают», а своих было много, и все они были отличными и очень разными людьми. Жаль, что уходят всё чаще, но они точно были в нашей жизни, за что им большое спасибо!! И, несомненно, останутся в сердце и памяти автора навсегда. А теперь и в памяти многих и многих читателей.

В любых путешествиях и поездках со мной книги: Довлатов, Бунин, Паустовский. Теперь я беру книги Константина

Крюгера: лекарство от неудачных дней, неприятных минут и периодического одиночества – мы были, мы есть, и жизнь наша удивительна и прекрасна.

*Л. Лунёва, психолог, педагог,
Москва*

Прочитал несколько рассказов. Замечательно! Повеселился от души. Особенно понравился питерский вояж – просто праздник! Чувство того времени захватывает. Здорово!

*М. Куропатков, руководитель отдела «Энерсис»,
Москва*

Прочитал с удивлением и напряжением... Напряжение по мере прочтения исчезло, ибо было интересно, и почти ничего не «резало слух»! Удивление осталось, ибо автор (оказывается) большой молодец, и мне так вкусно открылась еще одна грань интересного человека!

*L.Dezent, бизнесмен,
Иерусалим, Израиль*

Все прочёл с удовольствием! Как серию, хоть местами и пикантных, но без сомнения остроумных и интересных рассказов. Я бы их с удовольствием прочел еще большие, так что нужно писать! Вышел сериал «Винил» в этом же духе, но про 70-е «там». Авторы – Скорцезе и Джаггер. Так что автор – в хорошей компании!

*Д. Фокин, CEO «IXcellerate»,
Москва*

Это не Долматов, Конецкий и конечно же не Веллер. Вас обманули. Вам дали гораздо лучший мех. Я, как вероятно сказал бы Венечка, первую прочел взахлеб, затем с удовольствием опохмелился второй, но переусердствовал, и третья пошла запоем. Это слеза пионерки, бахчисарайский бальзам, сучий дух и потрох Гурзуфа. Автор этих коктейлей смешал их со вкусом. И постоянно хотелось спросить: «а дальше что было?» Маладецъ! Пиши исчо!

*А. Соболев, к.т.н., бизнесмен, литератор,
Москва*

Из цикла «Друзья»

Les Dames de Pierre¹ С запада на восток

Посвящается Н. К.

«От Москвы до самых до окраин...»

Мой друг и однокурсник Пётр производил на представительниц прекрасного пола неизгладимое впечатление. От родителей ему достался острый ум, усидчивость и способность к принятию нестандартных решений, и уже ко второму курсу он вполне заслуженно получал Ленинскую стипендию. А вот с интеллигентной внешностью вышла промашка. Про подобные, крупной «лепки», лица, обычно говорят, что образ вытёсывался топором. При знакомстве с девушками Петюня представлялся студентом, и они начинали недоверчиво улыбаться, а когда добавлял, что Ленинский стипендиат – хохотали в голос. При этом, грубоватое лицо вкупе с бросающейся в глаза физической мощью действовали на барышень на редкость притягательно. Да и сам Петюня руководство-

¹ Петюнины дамы. (Франц.)

вался в общении с прекрасным полом замечательной фразой
«Ни одну даму нельзя обижать невниманием!».

За шесть лет институтской учёбы произошло немало замечательных эпизодов Петюниной «влюблённости», лишь малая часть которых приведена в этой рассказке.

Петькины родители, страстные дачные «подёнщики», пластались на своих шести сотках каждые выходные с первых мартовских оттепелей и до крепких ноябрьских заморозков. Учитывая место службы (Министерство Сельского Хозяйства СССР) и полученное высшее образование (оба окончили Тимирязевку), такая тяга к земле вполне объяснима. Петькин отец (в то время освобождённый ПредМесткома Министерства) в молодости овладел специальностью винодела, поэтому все четыре угла крохотной кухни их малогабаритной квартиры в Текстильщиках занимали выполненные под размер из деревянных брусков колонки, содержащие по три двадцатилитровых бутылки с самодельным вином. Каждая ёмкость обозначалась наклейкой с подробным описанием исходного материала и датой изготовления. Уровень содержимого контролировался пластилиновой риской. Приходящим дамам очень нравился самодельный напиток, в который Петюня «для верности» добавлял немного водки. Главное – не забыть передвинуть метку.

Общий приятель Мишка «Дед» с целью преодоления конкуренции других «утюгов»² выучил на курсах итальянский язык. «Теперь – не вижу равных! Все итальянцы – мои!», – бахвалился Мишка в кругу друзей и регулярно выезжал к Мавзолею на смену почётного караула для небескорыстной практики в общении.

Однажды мы с Петюней под занавес учебной недели приехали на «стрит», имея целью познакомиться с девушками ввиду наличия свободной квартиры. Первым по выходу из «Трубы»³ встретился именно «Дед», уже заступивший на вечернюю вахту барражирования по Красной Площади. Наскоро переговорив со спешащим к «Ленину» Михаилом, мы с Петькой двинули вверх по улице Горького, по пути навестив самые популярные заведения: кафе «Московское», «Север» и «Космос». Зайдя в «Лиру» напротив памятника Пушкину и так и не остановив ни на ком взгляд, отправились в обратный путь. У магазина «Российские Вина» снова встретился «Дед», но уже в компании весьма привле-

² «Утюг» – спекулянт-фарцовщик, занимающийся скупкой носильных вещей у иностранных туристов с целью перепродажи.

³ «Труба» – сленговое название подземного перехода, ведущего от выхода из станции метро «Проспект Маркса», (ныне «Охотный Ряд») к началу улицы Горького, (ныне Тверская), и на Красную Площадь.

кательной иностранки. На Мишкину «итальянскую» удочку попала француженка, вполне прилично владевшая итальянским и английским языками в дополнение к родному. Во время пятидневной экскурсии по Москве и Золотому Кольцу девушка простыла, и её оставили в одиночестве выздоравливать до возвращения всей группы из трёхдневного тура по городу на Неве. Петюне француженка с первого взгляда понравилась чрезвычайно, он сразу забыл о данной в начале четвёртого семестра секретной подписке о категорическом запрете на контакты с иностранными гражданами. Тем более, что так удачно складывалась ситуация: и квартира и девушка свободны.

Во время краткой ознакомительной экскурсии зарубежной гостии по нашим «местам боевой славы», вместе мы проследовали в небезызвестную «Пельменную» в Проезде Художественного Театра, предварительно посетив «Елисейский». Славно угостившись белым «пшеничным» вином под национальное русское блюдо, мы настояли, чтобы девушка залпом употребила полный тонкостенный стакан с напитком, согласно старинной народной традиции. Захмелела она мгновенно, и, путая языки, немедленно начала рассказывать, как нравится Советский Союз и доброжелательные люди вокруг. Правда, и Мишка тоже внезапно «поплыл» и принялся активно оказывать даме всяческие знаки внимания. Петька ему настрого объяснил, что «Дедово» дело – торговое, и следует продолжать «добытческую» миссию, ради

которой он и выучил «parla italiano?». Обиженный Мишка, недовольно ворча, что именно он «снял френчовку», побрёл в направлении Мавзолея, а мы нырнули в метро. По дороге я объяснил девушке, что едем в гости к Петюне, где она сможет ознакомиться с бытом простой советской семьи. Её эта перспектива явно порадовала, и француженка с энтузиазмом принялась выяснять, кем работают Петины родители, есть ли у него братья – сёстры и другую фамильную информацию.

В многочисленном круге общения Петра крутились две подружки («Котик» и «Осик»), регулярно приглашаемые для увеселения друзей, заехавших без пары. Симпатичные молоденькие девчушки, Катерина и Ольга трудились программистками-перфокарточницами в ВЦ Междугороднего Автовокзала на Щёлковской. Они с удовольствием приезжали по первому зову, всегда были не прочь выпить-закусить и подрезвиться с мальчуганами, и всё это абсолютно безвозмездно – на голом энтузиазме. Впервые увидев Екатерину, я обомлел – таких завораживающе красивых лиц в сочетании с потрясающей точёной фигурой встречать ещё не доводилось. Но выдающаяся внешность полностью компенсировалась далеко не блестящими умственными способностями. «Я, прям, не знаю. Мне, прям, Петюня не велит!», – это были две Катькины основные реплики. Открывать рот и пытаться вести галантные беседы ей не стоило, и она об этом знала. «Но это не мешает ей оставаться замечательным

человеком!», – говорил наш друг Игорь «Бамбина».

Сразу по приезду домой Петюня «выписал» «Котика», чтобы я не чувствовал себя одиноко, и зарубежная гостья не подумала ничего плохого. Вечер удался! С удовольствием угостившись папиным вином из бутылей, мы попарно разбредлись по комнатам. В субботу рано поутру Катька и я разъехались по домам, оставив Петюню наслаждаться общением с француженкой.

В понедельник Петюня появился только к третьей паре, усталый, но довольный. После занятий, попивая пиво в «Пиночете»⁴, он поведал узкому кругу друзей, что зарубежная пассия превзошла ожидания по всем параметрам, более страстной и ненасытной подружки у него ещё не было, и, вообще, Петр теперь ожидает вызова, невзирая на «форму допуска». У них с Аннетт – всё серьёзно, она предъявила фотографии своего папы – преуспевающего врача с частной практикой, и миленького трёхэтажного домика в предместье Парижа, где в дальнейшем и планируется совместное проживание. Аннетт не успела оставить адрес и номер телефона, но тщательно записала Петькины координаты, так что он находился в предвкушении письма.

Через четыре дня Петюня, слегка смущаясь, попросил телефон Мишки «Леннона», «придворного» лекаря по «нехорошим» болезням. Исходя из озвученных симптомов «Леннон» влёт диагностировал острую форму «Гусарского на-

⁴ «Пиночет» – неофициальное название пивного зала рядом с МАИ.

сморка». Лечение заняло около двух недель, и, самое грустное, что письмо от иностранной возлюбленной ни в этот месяц, ни позднее так и не пришло. Больше всех злорадствовал «Дед», хотя мы и объяснили, что Петюня закрыл его «широкой грудью», приняв удар на себя.

Елена, бывшая одноклассница моей невесты, поступила на первый курс нашего с Петюней ВУЗа и случайно встрети­лась на «сачкодроме» – центральной площади института. Петру она понравилась сразу – крупная спортивная дивчина с яркими синими глазами и густыми буйными кудрями цвета «вороново крыло». Узнав, что она ещё и живёт недалеко от него (в Кузьминках), Петюня приступил к плановой осаде. Но Лена, оберегая девичество и, видимо, опасаясь не устоять перед могучим мужским обаянием Петюни, категорически отказывалась встречаться наедине. Ленинская стипендия «за просто так» не назначается, получатель по определению умен и настойчив. И Пётр дальнейшими действиями это подтвердил. Путём длительной осады Петюня уговорил таки неприступную Елену посетить его холостяцкое жилище на условии, что вместе с ней в гости зайдёт её бывшая одноклассница с женихом. Учитывая общеизвестную Галкину страсть устраивать судьбы подруг, с нашей стороны возражений не последовало. В одну из пятниц после институ-

та, подхватив на Пролетарской Галину, дружной компанией мы проследовали в Текстильщики. Девушки споро приготовили закуску из заранее подготовленных хозяином продуктов, и началось празднование дружбы и любви. Практически непьющую Елену Петр активно угощал родительским слабоалкогольным вином, тайком добавляя в него водку. Ближе к ночи мы с Галкой распрощались с Еленой и Петром, торжественно заверившим, что он в целости и сохранности проводит девушку до дома.

Первая лекция следующего понедельника прошла «мимо ушей» из-за Петюниного рассказа о первой «брачной» ночи. Когда дорогая гостя окончательно ослабела от «сухого» вина, гостеприимный хозяин предложил прилечь на предусмотрительно разложенный двуспальный диван в родительской комнате. Дождавшись, когда девушка начнёт задрёмывать, Петя пристроился рядом. Едва он сделал первую попытку обнять желанное тело и прижаться поплотнее, как здоровый девичий организм начал мощной струёй извергать чужеродный напиток прямо на ковёр. Вскочив, очумевший Петюня, как мог, замыл испачканную часть паласа и сделал очередную попытку приласкаться – повторный эффект не заставил себя ждать. Продолжение следовало... Всю ночь неудавшийся «Казанова» провёл с половой тряпкой в трудах и заботах. Когда утром, с удовольствием попив кофейку, непорочная Елена благополучно отбыла домой, Петюня рухнул на злополучный диван и проспал почти сутки.

В очередную пятницу конца лета мы с Петькой встретились на Пушкинской с его бывшим одноклассником Шурой «Рубанком», дипломником МАДИ. Александр являлся человеком примечательным: во-первых, уже к третьему курсу он заработал звание мастера спорта – штангиста, и при росте 164 сантиметра производил впечатление куба – «что поставь, что положи!». Находясь вблизи, угла зрения не хватало, чтобы охватить размах его плеч. Во-вторых, в возрасте 18 лет произвёл над собой операцию обрезания, отнюдь не по религиозным убеждениям, а для достижения большей сексуальной неутомимости. В силу вышеперечисленного, любое общение с Шурой требовало времени – захватывающие рассказы о приключениях на всех фронтах доводили слушателей до конвульсий. «Рубанок» только что вернулся с преддипломной практики в городе Анна Воронежской области и желал поделиться впечатлениями. Изрядно закупившись спиртным в «Елисеевском» (не всё папино вино отпивать!) и вызволив «Котика» и «Осика» для нас с Шурой, мы неторопливо потянулись в Текстильщики. По дороге Петька поведал, что накануне позвонил Виктор и напросился в гости с будущей женой и подружкой для хозяина.

Виктор учился в одном классе с Петром и «Рубанком», а после окончания школы поступил в МИФИ. Петька рас-

сказывал, что ещё в школьные годы за Витькой замечались некоторые неадекватности поведения, а к завершению высшего образования, он уже окончательно «слетел с катушек».

Заинтригованные будущим бракосочетанием одноклассника Петюня и Шура начали строить предположения о внешних и внутренних качествах невесты и сошлись на «очкастой чаморошной знайке». Подхватив в метро «Котика» и «Осика», мы поспешили начать посиделки. Повествование «Рубанка» о практике шло под непрерывный хохот слушателей. Пунктиром: путешествие по узкоколейке на крыше теплушки времён Гражданской Войны от Воронежа до места назначения; ночёвки в Аннинском вытрезвителе не в качестве пациента, а в качестве заселённого местным ГАИ жильца; приведение к единому знаменателю тамошнего «крёстного отца»; многочисленные дружба с окрестными юными девицами и замужними дамами и т.д., и т. п. Всё шло отлично ровно до приезда Виктора с барышнями.

Впервые увидев Виктора, я не удивился – именно так «физик» и представлялся по рассказам друзей: мелкий, худосочный «знайка» в очках с большими диоптриями, с головой, крупноватой для такого тщедушного тельца. Но его суженая потрясла: «притчи во языцах» – «перекисы» с площади Трёх Вокзалов меркли в сравнении с ней. Количество «шпаклёвки» на физиономии не поддавалось описанию. Яркие размазанные губы в пол-лица и чёрные полукружья вокруг глаз

удачно дополняли полупрозрачную кофточку с макси-декольте, узкую микро-юбку и туфли на шпильках сантиметров на 12. Более ярко выраженную внешность дешёвой «путаны» редко доводилось встречать. Судя по реакции Петьки и «Рубанка» – они впечатлились не меньше. Зато подруга смотрелась вполне достойно, даже благородно. Скромно, но со вкусом одетая тёмная шатенка с ярко-зелёными глазами и хорошей фигуркой сразу приглянулась хозяину. Перезнакомившись и быстренько «накидавшись» – за знакомство, со свиданьем, за здоровье, за ПЗД (Присутствующих Здесь Дам) и после того, как «Рубанок» исполнил коронный номер: залп «по-гусарски» – стакан в край с локтя, Петюня с «таинственной незнакомкой» и Шура с «Осиком» разошлись по комнатам.

На кухне остались мы с Катькой и Виктор с невестой. И тут «молодую» понесло: она обвинила жениха в том, что привёл в какой-то притон, где никто её не слушает, все смотрят с недостаточным уважением и говорят «через губу». Завершила она тираду, почему-то повернувшись ко мне, вопросом: «Да вы знаете, кто я?!». «Да уж догадываюсь!», – вырвалось помимо воли совершенно автоматически.

Далее «вечер перестал быть томным!». Я никак не ожидал, что девушка кинется на меня с кулаками. Видимо, у неё психика тоже хромала. Жених бросился вслед за ней. С трудом оттеснив «молодую» в одежный шкаф в прихожей, я закрыл её там. Затем лёгким хуком уложил Виктора в ванну

и вернулся к столу. Не успели мы с «Котиком» выпить за любовь, как невеста, вырвавшись из узилища, разъярённой фурией влетела в кухню, снося всё на своём пути. На шум из спальни вышел в красных спартаковских трусах недовольный Петюня и, не разбираясь, первым же взмахом отправил бузотёршу в глубокий нокаут. Выбравшийся из ванны Виктор повис на хозяине сзади, пытаясь нейтрализовать. Я вцепился в «физика», стараясь сдёрнуть с Петюни, но тут в драку ввязался появившийся из маленькой комнаты «Рубанок». Разнимая кучу малу, он с такой силой крутанул сцепившиеся тела, что разлетаясь, мы сшибли стол со всем, что на нём находилось, одну из угловых стоек с тремя бутылками и два висящих шкафчика кухонного гарнитура. К несчастью, в одном отец Петра хранил документы.

Когда хозяин увидел в растекающемся на полу море вина и груды салата родительские паспорта, то озверел окончательно. Дальше Петюня, вылетев в коридор, уже вращал рукой как «Купа Купыч» в фильме «Республика Шкид», невзирая на лица. Пытающейся прошмыгнуть мимо Ольгой вынес стекло в стоящем в большой комнате серванте, а попавшимся следом Виктором – две большие вазы со стола.

До глубокой ночи мы предпринимали всевозможные шаги, чтобы минимизировать нанесённый ущерб. Но кое-что ремонту и восстановлению уже не подлежало.

После вечеринки родители наложили на квартиру «мораторий» сроком на полгода, всё это время принудив Петьку

помогать им на даче во искупление «грехов».

К пятому курсу у Петьки из-за постоянной усиленной нагрузки на глаза (перезанимался!) серьёзно подсело зрение. Врач выписал очки, но Пётр носил их неохотно, а в компаниях просто стеснялся, что дополнительно ухудшало и без того не радостные офтальмологические показатели.

Как-то летом, возвращаясь с практики в свободную квартиру в рассуждении повеселиться с дамами (что совершенно естественно в молодые студенческие годы), в вагоне метро мы оказались в компании двух якуток (или эвенков, в общем, представительниц народностей Крайнего Севера). Плоские циркульные лица, глазки-щёлочки, плотные коротконогие фигуры – всё вкуче очень напоминало нанайца Кола Бельды, известного эстрадного певца той поры. Я присел на лавочку напротив, а Петька с нашим сокурсником Володей "Голубем" присоседились вплотную к дамам. Как известно: «Лицом к лицу лица не разглядишь!». Без очков Пётр видел девушек как сквозь сито, но сидящий рядом весельчак Вовка нашептал, что «барышни – высший класс!». И Петюня залился соловьём... Мощная мужская «харизма» опять оказалась себя, и девчушки согласились выйти на Петькиной станции, чтобы «совместно с молодыми людьми послушать последние хиты зарубежной эстрады в совершенно невинной

обстановке». Уже покидая вагон, Пётр надел очки. Выражение лица при взгляде на «снятых» подружек изменилось настолько, что узревшие его жительницы Заполярья немедленно впрыгнули обратно в поезд и укатили восвояси.

Искренний Петюня никогда не умел скрывать эмоций!

В Ленинград

*«Я вернулся в свой город, любимый до слёз!»
Из песни*

Сентябрь 83-го выдался на редкость тёплым и без дождей. Как-то в середине рабочей недели в лаборатории раздался телефонный звонок. Взявший трубку начальник «Карась» сказал: «Это тебя – брат!». У нас с Борькой тембр голоса и манера разговора практически не разнились, несмотря на разницу в 6 лет. «Что подделываешь?». «Работаю!». «Пойдём на Абельмановку – пива попьём! Погода отличная и вообще!». Я отпросился у «Карася» на полдня под предлогом проводов младшего брата в другой город, даже не предполагая, что «как в воду глядел».

На Абельмановской улице находился двухэтажный пивной бар, проходивший под названием «Клешня» из-за крупно-форматного светящегося рака на фасаде здания. Заведение как две капли воды походило на «КПЗ» (Киевский Пивной Зал), пивную на Варшавке, кафе «Сенеж» на Симоновском переезде и другие «стекляшки», выполненные по типовому общепитовскому проекту. В «Клешне» работал мой друг детства Володя «Дзержинец». На лацкане белого врачебного халата, используемого в качестве спецодежды официанта, у Володи золотом отсвечивал маленький красный

значок с легко узнаваемым профилем Феликса Эдмундовича. Мы с Вовой дружили со старшей группы детского сада, располагавшегося в крайнем подъезде нашего сталинского дома. Позднее Володина семья переехала в район Птичьего Рынка, и он как в воду канул. Повзрослев, в институтские годы я начал посещать увеселительные заведения своего района, и в «Клешне» произошла неожиданная и радостная встреча. Большие мы уже не теряли друг друга из виду. Завсегдатаем заведения я не стал, но при прочих равных предпочитал его всем другим. Володя, как и множество моих друзей и знакомцев, естественным образом «по наследству» перешёл Борису и, как и остальные, крепко с ним задружился.

Невзирая на превалирующий мужской состав посетителей, пивная выглядела вполне прилично, и некоторые смельчаки отваживались приводить туда дам. На первом этаже размещались автоматы с пивом по 20 копеек и высокие круглые столы – стойки. Окрестные мужики обычно забегали туда на ходу вбросить пару кружек или распить по-быстрому принесённые более серьёзные напитки. Зато второй этаж располагал к продолжительным посиделкам: деревянные столы на шесть человек с лавками, официанты в белой униформе, меню с выбором холодных и горячих закусок. К семи вечера в зале «яблоку упасть было некуда», но днём «ресторанная» часть заполнялась, в лучшем случае, наполовину.

В солнечную апрельскую субботу мы с братом и Эдиком «Родственником» зашли в «Клешию» оперативно промочить горло по дороге на Калитниковское кладбище, где у «Родственника» покоился трагически рано погибший отец. Внезапно привычный гул голосов и звон кружек сменился мёртвой тишиной. Мы непроизвольно повернулись ко входу: на верхних ступенях ведущей в зал лестницы стояли жених при всём параде и невеста в белоснежном кружевном платье и фате. Сзади их подпирали свидетели с лентами через плечо и полторы дюжины гостей. Молодые внимательно оглядывали помещение в поисках свободных мест. В наступившем молчании прозвучала хриловатая догадка Эдуардика: «А что! Может они здесь познакомились?!».

«Халдей» Володя всегда очень радовался нашему появлению, провожал за любимый стол у окна и, по возможности, никого не подсаживал. Когда зал начинал переполняться, Вова с извинениями присосеживал казавшихся ему приличными посетителей. Когда пиво уже не орошало, «Держинец» бегал через улицу в Гастроном за «белой». Водку закусывали шашлыком, который всё тот же официант приносил из «Шашлычной», расположенной через два дома от Гастронома.

Однажды весенним вечером нам составили компанию два по виду старших научных сотрудника в модных блейзерах,

водолазках и с дефицитными портфелями-«дипломатами». Они взяли по две кружки пива и тарелку стандартных мелких креветок и продолжили, видимо начатый ранее, узко-профессиональный разговор, непонятный непосвящённым. Выпив залпом первую кружку и отхлебнув из второй, они дружно сдвинули початые ёмкости, и сидящий напротив, не глядя, отработанным движением вынул из кейса фляжку со спиртом и долил в пиво, а второй столь же привычно, достав из нагрудного кармана шариковую ручку, размешал «ёри» в обеих кружках.

Для нашей компании этот пивной бар нередко превращался в некое подобие молодёжного клуба. Мы приходили обсудить грядущую поездку в Крым, отпраздновать дни рождения, подбить итоги очередного вояжа в Гурзуф или просто посидеть – пообщаться. Андрюшка «Крекс» и Мишка «Дед», Колюня «Ленинский Стипендиат» и Мишка «Рыба», Шура «Портос», братья Афанасьевы, Мишка «Алхимик», Эдуардик «Родственник», Шура «Помидор», Костя «Моська», Игорь «Бамбина», «Джеф», Борис «Рашенский», Андрюха «Неман» – кто только не сиживал здесь с нами с братом в разные годы, с удовольствием участвуя в дружеских беседах за поглощением неимоверного количества пива с последующим переходом на крепкие напитки.

Заправлявшему на местной кухне общему приятелю Мише, невысокому крепышу среднего возраста и обладателю изрядного брюшка, Борька за пару месяцев до этого сшил

модный комбинезон из белого «тика под перо», в котором повар и нарезал по пивбару. Любимая и основная работа Миши состояла в сортировке креветок на стандартные и «приоритетные», подаваемые только сведущим посетителям помимо меню за совершенно другие деньги.

В этот раз визит пошёл по накатанной. Сначала мы выпили пива с «приоритетными», потом вышедший с кухни Миша поджарил яичницу с ветчиной, а уже затем «Дзержинец» стогнял за «пшеничным» вином, которым угостился вместе с нами. Время летело незаметно. Ближе к закрытию Миша, плотно утвердившийся за столом, вынёс из подсобки коньяк под шашлыки, и мы продолжили праздновать дружбу, оставшись одни в зале. Совершенно естественным образом беседа свернула в сторону Ленинграда, где Миша проходил срочную службу коком, и внезапно Борька предложил съездить в город на Неве к гурзуфской подружке. Оба работника торговой сферы дружно отказались, как связанные семьёй и работой, а меня перспектива неожиданно увлекла.

Я всегда легко снимался с места, да и Питер не навещал несколько лет. Невзирая на поздний час, я отзвонился из телефона-автомата у входа в заведение домой начальнику и выпросил три дня отгулов, полагавшихся за ударную работу в подшефном совхозе. Миша насильно всучил полусотенную бумажку со словами «В другой раз вернёте! Вам сейчас нужнее!», а Володя из загашника принёс связку дефицитной воблы «в дорожку».

На Ленинградском вокзале проблем с билетами не возникло. Купив плацкарту на ближайший поезд, мы даже успели посетить привокзальный ресторан. Как следствие: я с трудом попал билетом в руку проводницы, а Борис, укладываюсь наверх, убрал под нижнюю полку новые, недавно купленные в «Берёзке» ботинки «Саламандер», которыми очень дорожил. Проснулся я посреди ночи от непонятного шума – Борька забыл, что надёжно спрятал дорогую обувь, и теперь проводил тщательный опрос соседей, обещая применить нестандартные методы воздействия. Кое-как успокоив перепуганных попутчиков и насмерть зашнуровав на Борьке драгоценные башмаки, я снова «придавил ухо».

«Град Петров» встретил приветливо: из репродукторов доносился голос Пугачёвой, исполняющий песню «Ленинград»⁵. Несмотря на очень раннее утро на улице было светло и достаточно тепло. У выхода из вагона встретил носильщик, везущий низкую багажную платформу на колёсиках, и сразу предложил «Эх, прокачу!». «Что такие невесёлые? Или «головка бо-бо, денежки тю-тю?»», – проявил он знакомство с алкогольным фольклором. Я неоднократно замечал, что на пару с братом мы производили на окружающих располагающее впечатление – абсолютно посторонние люди охотно шли нам навстречу и предлагали помощь, даже когда за ней не обращались. Прокатив через весь перрон, Виктор, так он представился, привёл нас в полуподвальный этаж зда-

⁵ на слова Мандельштама

ния Московского Вокзала.

Огромный стол в окружении двух лавок в сочетании со слабо освещёнными низкими сводами потолка сразу выдернули из памяти подвалы описанного Гиляровским трактира «Ад» на Трубной. В отличие от московского притона, здешнее помещение выгодно отличалось чистотой и полным отсутствием посетителей. Кроме провожатого присутствовала ещё пара его коллег, вполне приветливых мужиков неопределённого возраста. Открыв крышку вместительного ящика с надписью «Песок», расположенного непосредственно под пожарным стендом с багром и прочими противопожарными атрибутами, Виктор изъясил одну из лежащей на песке батареи водочных бутылок. Очень кстати пришлась оставшаяся «дорожная» вобла, отлично оттенившая вкус «Пшеничной». За первой оздоровительно-ознакомительной последовала следующая «кегельная» ёмкость, в процессе употребления которой неожиданно выяснилось, что кроме имени, фамилии и примерного года рождения о ленинградской подружке Борька ничего не знает. Она недели за две до нашей поездки звонила, приглашала в гости и даже диктовала адрес, но брат не озаботился записью этой нужной информации.

Ровно в 8 утра подошедший вместе с нами к только открывшейся «Ленгорсправке», Виктор исключительно доходчиво объяснил знакомой киоскёрше отчаянность положения. И через пятнадцать минут Борька выяснял из телефо-

на-автомата у ленинградской пассии точный адрес. Знакомец новых друзей, дежурящий у вокзала «частник», абсолютно безвозмездно отвёз нас на местный Ленинский проспект в указанный дом, правда, за ещё одну бутылку «сучка» и «портвейн розовый – самый дамский» мы щедро расплатились. Не идти же, в самом деле, в гости с пустыми руками!

Ирку я не помнил, так же как и подругу, приехавшую практически вслед за нами, хотя мы познакомились в Гурзуфе прошедшим летом во время празднования Борькиного Дня Рождения в коктейль-холле. Тогда у брата с Иришкой неожиданно случилась горячая любовь, и они уже не расставались до отъезда из Крыма. Подруга хозяйки, Людмила, сразу мне понравилась – рослая спортивная блондинка с правильными чертами лица западнославянского типа. Родом она была из-под Питера и проживала на противоположном конце города в съёмной комнате, но немедленно примчалась по первому звонку. Мама хозяйки отбыла в короткую командировку, и квартира до конца недели находилась в полном нашем распоряжении.

Многое удивило в планировке помещения. Из небольшого коридора двери вели в совмещённый санузел с крошечной сидячей ванной и две комнаты. Через бóльшую гости попадали в ещё одну маленькую комнатку и на кухню, из которой в ванную открывалась форточка на уровне середины стены. Задумку архитектора я оценил на третий день пребывания, когда днём после возвращения из города, насквозь промок-

ший и продрогший, уселся в ванну под горячий душ согреться. Внезапно распахнувшаяся форточка явила мне руку брата со стаканом горячительного «пшеничного» напитка.

Рано умерший отец хозяйки служил на торговом флоте, «ходил в загранку», что чувствовалось во всей обстановке квартиры. Невиданный настенный холодильник висел в кухне прямо над полезной форточкой, да и комнаты радовали изрядным количеством привозных вещей. Борька с Ириной обосновались в отдельной комнате при входе, а мы с Людой заняли маленькую дальнюю. С утра девушки отбывали на учёбу в Мед. Академию, а мы с братом отправлялись гулять по городу. С погодой повезло, только однажды на полдня зарядил холодный частый дождь. Встречали мы подружек днём в центре и шли обедать в приглянувшуюся двухэтажную шашлычную, отдалённо напоминавшую место Московского старта.

По сравнению с нашей микрорайонной «Шашлычкой» еда существенно уступала и по качеству и по размеру порций, но само заведение приятно радовало чистотой и интеллигентной публикой. На удивление – к распитию принесённых напитков в кафе действительно относились резко отрицательно. Выправлял положение Борькин джинсовый комбинезон, в нагрудный карман которого идеально помещались две чекушки. Как правило, после трапезы вчетвером посещали кино или музей по выбору дам, а затем отправлялись домой ужинать и праздновать любовь. Особых гастро-

номических изысков студентки готовить не умели, так что дома мы каждодневно довольствовались вермишелью с жареными куриными ножками, что в сочетании с водкой и домашними соленьями вполне устраивало.

В каждый визит «Северная Венеция» открывалась с новой стороны. В этот раз она порадовала на удивление тёплой сухой погодой и непривычной уютностью, никогда прежде не замеченной. Скорее всего, причиной этого нового ощущения являлась любовь и ласка, которыми нас окружили питерские пассии. Людмила стала для меня и замечательным экскурсоводом, и заботливой подругой, и нежной, сперва неумелой, но быстро постигающей науку страсти наложницей. Разница в семь лет и мой богатый жизненный опыт слегка пугал юную медичку, но виду она не показывала и всячески уверяла в свободе наших отношений. В Гурзуфе застенчивая студентка сторонилась буйной компании ветеранов – завсегдатаев, но её лучшая подруга без памяти влюбилась в Борьку, и Люда была вынуждена проводить время в нашем обществе и постепенно привыкла к «абсолютно отвязным москвичам». Внезапный приезд явился неожиданным сюрпризом, но мы на удивление быстро притёрлись друг к другу, тем более, что постоянного серьёзного ухажёра у девушки не было. Борька с Иркой каждый раз отрывались друг от друга с болью, что положительно влияло и на наш союз.

В грядущий понедельник утром «как штык» я должен был объявиться на службе, поэтому ещё в пятницу купил билет на воскресную «Красную Стрелу». Что означает купе категории «полулюкс», кассирша объяснить не смогла, но в любом случае других билетов уже не было. В воскресенье с самого утра вчетвером сели «тризновать» разлуку. Кто больше печалился о расставании – сказать трудно, но обе ленинградки к середине дня горевали навзрыд. Устроив вечером затянувшийся прощальный ужин в полюбившемся кавказском заведении, мы едва успели к отходу поезда. Расцеловавшись со всеми на прощание, я влетел в купе. На пер-

вый взгляд «полулюкс» напоминал половину обычного купе, только верхний ярус располагался существенно выше, и туда вела стационарная лесенка. Интеллигентного вида мужчина средних лет, стоя на ней, застилал полку, собираясь отойти ко сну. Бросив сумку под нижнюю, я рысью пролетел несколько вагонов в поисках ресторана. Кухня не работала, но бутылку коньяка отпустили. Не видя смысла сидеть одному в ресторане, я побрёл обратно в свой вагон, решив угоститься напитком в компании соседа. Каково же было моё удивление, когда открыв дверь купе, я узрел сидящего на моей полке Борьку, деловито обсуждающего с попутчиком климатические особенности обеих столиц. Не дожидаясь вопроса, брат спокойно объяснил: «Я подумал – Тебе одному будет грустно возвращаться, и решил составить компанию!» «А как же Ирина?» «Пообещал через пару недель приехать – навестить!». Про проход в вагон и проводницу я не спрашивал, зная, что обаять любую даму для Борьки труда не составляло. Зашедшая вскоре приятная девчушка в ладно сидящей форменной мини-юбке подтвердила догадку, принесла дополнительный комплект белья и открыв над нашими головами ещё одну – третью полку, расположенную между нижней и верхней. В таком «полулюксе» путешествовать ещё не доводилось. Расположенная в противоположной стене дверца скрывала крохотный туалет с унитазом и раковиной, что придавало поездке дополнительный комфорт. Соседу пришлось несладко – практически до утра, подогре-

ваясь коньяком, мы обсуждали прошедший визит и строили планы на будущее. В Москве, условившись созвониться, я поехал на службу, а Борька на учёбу.

Трудовая неделя прошла в штатном режиме, и в пятницу вечером после службы я заехал в «Клешню» отдать долг Мише. В трамвае по пути на Абельмановку встретился Вовка «Афанасий», с удовольствием присоединившийся. В пивбаре я с удивлением узнал, что ещё в среду брат рассчитался с поваром и после недолгих, но бурных посиделок вместе с Мишкой «Дедом» стартовал в Питер. Изрядно выпивший и потому сразу возбуждённый «Афанасий» со словами «А чем мы хуже?!» стал настаивать на немедленной поездке вдогон. Вовка с «Дедом» серьёзно соперничали, особенно в части девиц.

Удивление Борьки и потрясение «Деда», открывших дверь Иркиной квартиры ранним утром следующего дня, не поддаётся описанию!

Ещё с полгода мы с непредсказуемой периодичностью навещали подружек в славном городе на Неве, в каждый заезд находя что-то новое и интересное....

«Orient» на жизнь

Небольшая сага о Велозаводской

*«Я всегда твердил, что судьба – игра
Что зачем нам рыба, раз есть икра.
Я сижу у окна. За окном осина.
Я любил немногих. Однако – сильно»*

И. Бродский

Весной 84-го после стремительного развода я впал в затяжную «жизненную коллизию». С детства приученный отцом к строгому порядку, я, едва повзрослев, постарался наладить правильный устойчивый режим жизни, включающий интересную работу и любимую семью. Как только одна из основных составляющих исчезла, привычный мир рухнул.

Дома у родителей раздражало абсолютно всё, особенно близкие, а альтернативной жилплощадью я не располагал. К счастью, на службе к ситуации отнеслись с пониманием, и трудовые будни не действовали на нервы. Но непривычная пустота, обычно заполненная общением с женой и дочкой, угнетала. Пустившись на недолгий период во все тяжкие, я быстро устал от калейдоскопа весёлых компаний и всевозможных участливых и любвеобильных дам. Облегчения это не принесло. Паскудная мартовская погода – «развезюха», говоря словами маленькой дочурки, вкупе с серой Автозаводской действительностью также настроения не улучшала.

Как ни странно, путь выхода из «коллизии» указал слабо знакомый мясник Пашка, практикант из нашего магазина «Продукты». В тот тяжёлый понедельник он встретился в полвосьмого утра в мясном отделе, куда я с «заднего крыльца» зашёл к друзьям, «работникам ножа и топора», купить «из под полы» бутылку водки, задолго до открытия винного отдела. «Где собираешься подлечиться?», – спросил Павел, явно набиваясь составить компанию. «Ты же не пьёшь в рабочее время!», – резко отсёк я намечающееся предложение. Но неунывающий молодец не обиделся: «Я думал тебя познакомить с одной разведёнкой из дома наискосок. Не пожалеешь!».

По дороге Пашка рассказал, что накануне «склеил» совсем юную девчушку, зашедшую купить мяса в самом конце трудовой вахты. Быстро сменившись, он проводил симпатичную покупательницу домой, где был ошарашен наличием трёхлетнего сына. Барышне оказалось двадцать пять лет, и двадцатилетнему мяснику, активно занятому поиском будущей спутницы жизни, она, ну никак, не подходила. Встречая меня ежеутренне и зная побудительную причину напасти (моя бывшая проживала над магазином, и наш развод обсуждал весь двор), Павел, по-мужски сочувствуя, решил поделиться находкой. А вдруг?!

Девушка оказалась дома и встретила приветливо. Среднего роста с отличной, слегка прикрытой коротким халатиком фигурой, она казалась высокой за счёт стройности и длин-

ных красивых ног, сразу привлекающих внимание. Огромные серые глаза светились на симпатичном скуластом лице, увенчанном шапкой тёмно-русых волос. Как позже выяснилось, дома той весной Аля находилась почти постоянно, на время оставив работу для устройства сына в детский сад. В контексте мужских привязанностей – была совершенно свободна: за год до описываемых событий Аля развелась с сильно пьющим мужем, бывшим сотрудником милиции, а ныне хроническим пациентом районного наркологического диспансера.

Занимая с сынишкой просторную комнату с вместительной лоджией в трёхкомнатной коммуналке, она, тем не менее, рассчитывала улучшить жилищные условия за счёт соседней, никем не занятой жилплощади, не дававшей спать спокойно. Бывшему супругу, ещё в бытность на хорошем счету, в Райсполкоме обещали со временем выдать ордер на пустующее помещение, но водка раньше выселила его из квартиры навсегда. Предприимчивый сотрудник органов, договорившись в домоуправлении, даже сумел заблаговременно обзавестись ключом от запертой двери, хранившимся теперь у Али.

Всю эту информацию я с трудом воспринял только на следующее утро.

Кратко представив «Знакомься, Аля! Константин! Отличный мужик! Только что развёлся!», Пашка отправился рубить мясные туши, не притронувшись к «пшеничному» ви-

ну. Хозяйка быстренько накрыла на стол, порадовав домашними огурцами и помидорами выдающегося засола и квашеной капустой с клюквой и виноградом. В начале застолья тет-а-тет девушка выпивала наравне, потом стала пропускать. Через сорок минут хождения вокруг да около разговор упёрся в тему личного одиночества, близко затронувшую обоих. Перебираясь поближе, Аля пересела на диван, который на мой нетрезвый взгляд волшебным образом мгновенно разложился сам. Вспышка чувств и ощущений была настолько сильной, что я практически лишился чувств в момент апогея и сразу крепко заснул.

Разбудил неописуемый аромат домашних пельменей, который воздействовал на меня как запах валерьянки на кота.

Не избалованный маминой стряпнёй я к самодельным пельменям относился особо. Когда бывшая тёща, большой мастер кулинарии, лепила мои «любимки» – брал на службе три дня отгулов и, сидя дома, по несколько раз в день поглощал только одно блюдо, преимущественно в бульоне.

Алины пельмени не уступали тёщиным. Непродолжительно, но активно применив «Столичную» под любимое горячее, мы быстро переместились на диван и повторили утренний опыт. Эффект превзошёл все ожидания, и я снова отключился.

Ближе к вечеру я проснулся в одиночестве с ощущением пустоты и не сразу вспомнил, где нахожусь. Открылась дверь, и вошла Аля, одетая для выхода в город: «Я в садик.

Скажу, что до пятницы сына на пятидневку оставлю. И в магазин заскочу, а то горячее закончилось!».

Ситуация нравилась всё больше и больше. Я не испытывал привычного раздражения, присущего состоянию «после многодневного вчерашнего», чистота и так любимый порядок в комнате радовали глаз, и впервые за несколько месяцев в душе разлилось непонятное умиротворение.

На волне нахлынувшей эйфории я позвонил домой начальнику и отпросился на положенную за сверхурочную работу в совхозе неделю отгулов, чем окончательно закрыл проблему «завтрашнего дня». После возвращения Али из магазина уже привычный и радующий цикл «стол-диван» повторился неоднократно.

Главными качествами любой девушки, критичными и необходимыми при совместном проживании, всегда являлись чистоплотность и страсть к порядку. Сразу выяснилось, что у Али с любимыми образующими идеального быта – полный ажур. Следующий день я нарезал по квартире в набедренной повязке из полотенца: вся одежда, за исключением «Аляски», оказалась выстиранной и сохла на лоджии.

Три дня пролетели как в забытии. Вследствие регулярно-го неумеренного употребления бодрящего сорокаградусного напитка, возник известный каждому плотно выпивающему мужику эффект «сухостоя», так подробно описанный Аксёновым: «В конце недельных приключений, после бесконечных восторгов, отлетов, улётов, мужских прений с рыготи-

ной, махаловок, побегаловок, всякого разнообразия напитков, в конце всей этой свободы руки и ноги очень слабели, голова весьма слабела также, но в крестце появлялась исключительная тяга, совершенно удивительная бесконечная тяга. Выдающийся генератор. Даже так случалось иногда, что измученное тобой существо засыпает, а ты все еще в активе!». Аля была вне себя от восторга, особенно в самые ранние часы дня, когда эффект проявлялся наиболее ярко. Восхищённый рефрен «Я никогда не верила, что такие мужики, вообще, бывают!» очень грел сердце и заставлял особенно усердствовать.

В пятницу сладкие утренние ласки прервал затяжной звонок у входа в квартиру. Аля, накинув халатик, выскочила из комнаты, прикрыв дверь. В коридоре с девушкой вступил в диалог напористый мужской голос, показавшийся знакомым. Я едва успел натянуть джинсы, когда в комнату по-хозяйски зашёл младший брат Борис, с интересом оглядывая помещение. Аля, настороженно глядя на него, быстро произнесла: «Я сказала, что никого у меня нет! Но он увидел в коридоре твои кроссовки, и начал надсмехаться!». «Такого высокого „Адидаса“ на Автозаводской только два: у него и у меня! Я сам их у Ленки в „Берёзке“ выбирал!», – уверенно заявил Борька, с довольным видом присаживаясь к столу. «Знакомься, Аля! Это мой младший брат, Борис!». Алин взгляд заметно потеплел, и она умчалась на кухню.

Минут через десять вернулась, неся сковородку с жарен-

ными в яичнице пельменями. Борька к этому моменту завершал пространное изложение замечательного дедуктивного метода, приведшего к Алиной двери. Испытывая непрерывный прессинг со стороны мамы, трагически воспринявшей моё неожиданное исчезновение «по делу» рано утром в понедельник, Борис, примерно представляя маршрут, путём выборочного неторопливого опроса потенциальных свидетелей, а именно «добрых бабулек», добрался до Пашки, который и выдал текущее убежище.

На первый взгляд, фраза «Москва – большая деревня!» не соответствовала действительности, но то, что в её маленьких анклавах – микрорайонах и дворах – все и всё друг про друга знали, с некоторой натяжкой являлось истиной. Вышеприведённое утверждение вне всякого сомнения относилось к многочисленным бабкам, постоянно сидящим в засаде у подъездов и перемывающим кости всем проходящим. В состоянии тяжёлого похмелья, когда обострялись все чувства, я почти физически ощущал источаемые ими негативные флюиды, да так, что перед лавкой начинали заплетаться ноги. «Опасную» зону я всегда норовил проскочить побыстрее. Брат, наоборот, очень любил, подойдя к лавочке, в ответ на их «Здравствуй, Борис!» весело поприветствовать осуждающий всех и вся престарелый контингент фразой классика: «Ну что, живы ещё? Вас уж давно на том свете заждались – с фонарями ищут!». Несмотря на это, а может, именно поэтому, бабки к Борьке благово-

лили, но остерегались.

Разделяя мою любовь к пельменям, брат, подчистив быстро опустошённую сковороду куском хлеба, поинтересовался у влюблённо смотрящей Али «Как насчёт добавки?». Пока хозяйка хлопотала на кухне, мы, выпив «утреннюю для здоровья», обсудили: какую версию ему стоит изложить родителям, и когда я собираюсь навестить отчий дом. Поставив перед Борькой глубокую тарелку с пельменями в бульоне, Аля, восхищённо глядя на него, произнесла: «Какой красавчик! Просто игрушка!».

При имеющемся внешнем сходстве, брат отличался более тонкими правильными чертами лица, ни разу не ломаным прямым носом и шапкой густых выующихся тёмных волос. Дополняли облик большие синие глаза с длинными девичьими ресницами и белоснежная кожа. Одетый в редко встречающуюся на Автозаводской яркую одежду Борька очень походил на фигурку юноши из набора ГДР-овских игрушек – социалистический эрзац Кена, дружка американской Барби. Несмотря на небольшой рост, брат был очень востребован женским полом. Деликатность в общении и сразу ощущаемая тонкая душевная организация действовали на дам неотразимо. Недавно встретившийся плохой перевод фразы современного американского классика «При взгляде на него у девушек влажнело междуножье!» наиболее точно отражал эффект, производимый Борькой на барышень.

Доев пельмени и выпив в процессе «за здоровье», «за хозяйку» и «на посошок», Борька на прощанье одобрительно хлопнул хозяйку по мягкому месту и убыл, провожаемый обволакивающим взглядом Али.

На этом неожиданности не закончились: «Сегодня к нам заедет мама!». «Проведать и Серёжку на выходные забрать!», – опередила Аля мой вопрос. «Пожалуйста, будь с ней пообходительней!». Камень в мой огород явился следствием неожиданной встречи в коридоре с соседкой по дороге в туалет в один из «забытых» дней. Невыразительная дама предпенсионного возраста принялась выяснять, что делает

посторонний мужчина в неглиже в местах общего пользования. Не «видя её в упор», я, тем не менее, доходчиво объяснил, куда ей следует идти, дополнив посулами, после которых она стремглав скрылась в своей комнате, заперев дверь на всякий случай.

«Мама – моя палочка-выручалочка и единственный кормилец. Если бы она не помогала, как бы я сейчас с сыном проживала только на убогие алименты!», – разворачивала Аля «родственную» тему. «А я на что?!», – в подогретом алкоголем порыве самоутвердился я. «Сегодня – ты есть, а через две недели?», – вопрос, заданный тоном умудрённой жизнью пророчицы, прозвучал риторически.

Я начал торопливо собираться, знакомство со следующей «тёщей» не входило в мои планы. «Пойду домой – проводаю родителей!», – объявил я опешившей девушке. «Вечером придёшь?», – уже совсем другим, расстроенным тоном, спросила она. «Наверное. Как дома карта ляжет!».

К родителям не хотелось совершенно. Выйдя из Алиного подъезда, я прямым ходом направился к другому крылу огромного дома. Там на первом этаже размещалось ателье, где трудился брючником лучший друг Костя «Малыш». Тёзка собирался на обед домой, в огромную сталинскую семиэтажку наискосок через Велозаводскую площадь. Увидев меня, он поменял планы, и мы вместе зарулили в «Шашлычную», находящуюся в центре небольшого скверика.

Излюбленное место «культурного» распития всего мик-

рорайона и таксистов 5-го столичного таксопарка, кафе никогда не пустовало. Нам с «Мальшом» порекомендовал заведение его отец дядя Толя, проводя обзорную экскурсию по ближайшим значным местам в период взросления. Предвкушений «Шашлычка» ни разу не обманула: кормили всегда очень вкусно и обильно, хотя выбор блюд был небогатым. Типовая одноэтажная «стекляшка» с металлическими «рельсами» вдоль стойки, двигая по которым подносы с готовыми холодными закусками и подаваемыми поварами «с пылу, с жару» горячими блюдами, клиенты финишировали у кассы, за которой восседала Катя.

Невысокая пухленькая блондинка неопределённого возраста, Катя олицетворяла общеизвестную поговорку «Маленькая собачка – до старости щенок!». Увидев её впервые, когда мне только стукнуло 17, я был твёрдо уверен, что она старше меня лет на 15 – 20. По прошествии одиннадцати лет она выглядела всё на те же тридцать пять и являлась возжеленной мечтой большинства завсегдаев и случайных посетителей мужского пола. Всегда задорная и приветливая, модно одетая и причёсанная а-ля Мерилин Монро, Катерина оставалась неизменной приметой меняющегося с годами Велозаводского ландшафта. Про неё ходили разные слухи: и самый богатый человек на Автозаводской; и хорошие знакомые всегда могут занять у Кати приличных денег на длительный срок, – но «Мальш» и я любили её за душевность и весёлый нрав.

С самого первого дня, когда мы впервые переступили порог «Шашлычки», и дядя Толя подвел двух несовершеннолетних «щеглов» прямо к кассе и представил «Знакомься, Кать! Это мой сын, Костя, и его лучший друг, тоже Костя, сосед по двору!», Катерина относилась к нам как любящая старшая сестра к двум не всегда путёвым, озорным и задиристым младшим братьям, нуждающимся в ласке и опеке. Ей очень нравился наш тандем, импонировал зашкаливающий кураж и, когда мы долго не появлялись, она волновалась и передавала весточки через друзей. Постоянные поклонники и обожатели у аппетитной кассириши не переводились, но она со всеми держала одинаковую дистанцию, оставаясь верной женой никогда не виданному мужу и заботливой матерью единственной дочки, с которой Катя познакомила существенно позднее описываемого времени.

«А вот и мои Косточки пожаловали!», – громко промурлыкала Катя, едва мы нарисовались в дверях. «Что сегодня изволите? Полную программу или что-нибудь на выбор?», – Катя всегда по-женски слегка заигрывала, при этом неуклонно выдерживая роль старшей сестры. «Два чахохбили с луком и два шашлыка! И компоту – четыре!», – весело объявил «Малыш», и повернувшись ко мне: «Пить будем?». «А ты, Костюша, всё никак не угомонишься?! Пора уже успокоиться! В жизни всякое бывает! Вон хоть у Толи, у Анатолия Михайловича спроси!», – поправилась Катя, имея в виду папу «Малыша».

К моему отцу Катя относилась с уважением и немного побаивалась. За год до этого, в выходные, папа с мамой возвращались с прогулки на стадионе с моей маленькой дочкой именно мимо стекляшки, где, как назло, мы с Костей осуществляли распитие по-быстрому. Отец, оставив маму с коляской на улице, зашёл в кафе и отчитал нас по первое число. Катя, не разобравшись в ситуации, попробовала заступиться, мол «ребята ведут себя тихо, никому не мешают», но и она получила свою порцию отточенных чеканных фраз про правильный режим питания, здоровый образ жизни и моральный облик, произнесённых негромко, но весьма убедительным тоном.

Анатолий Михайлович потом рассказал, что во время очередного визита в «Шашлычку» Катя выясняла «в каких чинах ходит Костин отец». Ничего вразумительного дядя Толя сказать не смог, что окончательно уверило её в правильности догадок. После этого случая Катя стала относиться ко мне ещё сердечнее, видимо, жалея.

«Ты ещё сто раз найдёшь себе хорошую девушку. Хочешь, я прямо сейчас позвоню, у меня у подружки дочь замечательная!», – продолжала утешать Катя. «Кать, да у этого не заложится!», – скаламбурил тёзка. «Так что будем пить?». Катя неодобрительно покачала головой и, крикнув повару «Георгий, присмотри! Я на минутку!», скрылась в подсобном помещении. Забрав поднос с едой, я пошёл к единственному свободному столику у окна, а «Малыш» остался у кас-

сы ожидать Катю, чтобы расплатиться. К столику они подошли вместе. «Я дома у своего законного бутылку забрала импортную, кто-то в подарок привёз. Дай, думаю, моему разведёнцу жизнь подслащу! Так что, нечего вам белой травиться!», – с этими словами Катерина незаметно передала завёрнутую в газету бутылку. «Только на стол не выставляйте!», – и пошла к себе за кассу. Распеленав под столом напиток, мы с Малышом опешили. Ни он, ни я такого ещё не видели: в бутылке необычной формы переливался синеватого цвета напиток, напоминающий разбавленный денатурат. «Это что? Прочти на этикетке! А то, вдруг, какая-нибудь ерунда!», – искушённый в импортных напитках Костя, мама которого работала в ресторане гостиницы «Интурист» на улице Горького, иностранными языками не владел, но зарубежного алкоголя навиделся достаточно. Необычного цвета спиртное оказалось голландским ликёром «Блю Кюрасао», вкусным до безобразия. Почти опустошив подарок за затянувшимся обедом, мы с «Малышом» обсудили перспективы моей дальнейшей личной жизни, и я решил пустить всё «на волю волн». Когда я подошёл к Кате проститься, она, по привычке целуя в щёку, негромко произнесла: «Если у тебя, Костюшка, проблемы с деньгами, только скажи! И, вообще, заходи почаще! Просто перекусить! Не пропадай!».

Диковинный ликёр оказал неожиданное действие – потянуло в отчий дом. Понимая, что не совсем трезвый вид никого особенно не порадует, я свёл общение с родителями

до минимума и быстро скрылся за дверь Борькиной комнаты.

Применительно к нам с Борькой замечательная фраза «Брат – это друг, дарованный природой!» даже в малой степени не отображала ту незримую, но очень прочную, сплетённую из множества проявлений нежности и дружбы искреннюю привязанность, соединяющую нас. Иногда казалось, что мы можем читать мысли друг друга, а уж понимать с полуслова, а, иногда, вообще, без слов со временем стало совершенно естественным. Являясь существенно более тонкой и ранимой натурой, брат очень переживал мой развод, может быть даже сильнее меня, волнуясь за судьбу ненаглядной маленькой племянницы, обожавшей прыгать у него на коленках. Излюбленным совместным развлечением являлся танец юного дяди под песню «Внезапный тупик» группы «Карнавал» с малышкой на руках. Во время особенно отчаянных «па» Лялька заливалась весёлым смехом, летая в крепких Борькиных объятиях.

Допив с братом остатки ликёра и выслушав его планы на грядущие выходные, я загрустил. За время шестилетнего брака я несколько отошёл от друзей, «сейшенов», весёлых гулянок и других составляющих холостой жизни, которыми теперь наслаждался младшенький. И хотя Борька предложил составить компанию, меня совсем не тянуло вновь окунуться в этот водоворот. Достав из глубин одежного шкафа «кегельную» бутылочку, как, находясь в игривом расположении

духа, он называл водку, брат налил по «соточке для настроения» и стал собираться на выход. «Останешься или на „зимние квартиры“?», – упоминание Борькой моего нового места обитания неожиданно вызвало волну приятных воспоминаний о немудрёном уюте, пельменях, регулярно подносимых напитках и охочем до ласки Алином теле. Наскоро собрав бритвенные принадлежности, зубную щётку и кое-какую одежду, я особенно озаботился запасом белья и носков, чтобы побереечь от ежедневной стирки руки новой подружки.

Мы вышли с Борькой из дома вместе, я пообещал маме звонить и регулярно появляться.

Увидев меня, Аля искренне обрадовалась, но при входе шёпотом предупредила: «Мама ещё не уехала!». «Тёща» удивила молодостью: на вид ей было не больше 35-ти, и несколько экзотической раскосостью. Упёршись в меня оценивающим взглядом, она сразу поинтересовалась: «А ты кем работаешь?». Не привыкший к обращению на «Ты» при первой встрече, я, тем не менее, вспомнив Алин наказ, очень вежливо, как мне казалось, выдал исчерпывающую информацию о месте работы, должности, зарплате, текущем матриониальном положении и адресе проживания. «Да ты не кипятись! Я же вижу, что парень ты приличный! Я просто за дочь переживаю! Ты должен мать понять!», – примирительным тоном продолжила Алина мама. Не сдержавшись, я объявил, что никому ничего не должен. К удивлению, на оппонентку заявление произвело самое положительное впечат-

ление: «Вот, сразу видно, что настоящий мужик, со стержнем! Не то, что всякие, ни рыба, ни мясо!». Не знаю, кого она имела в виду, может прежнего зятя, но от похвалы сразу стало приятней её общество. «Ладно, не буду мешать! Вон, как Алька-то на тебя смотрит! Сейчас прямо съест!», – с этой грубоватой шуткой «тёща», захватив уже одетого внука, которого я толком не успел рассмотреть, быстро исчезла за дверью.

Сразу после ухода родных Аля ненадолго исчезла на кухне, а затем в три захода накрыла стол. Дома я в таком пиршестве даже по случаю великого праздника никогда не участвовал. Мама неплохо готовила, но особо домашними разносолами не баловала. Напряжённо работая с утра до вечера и активно занимаясь общественной деятельностью, она просто физически не успевала колдовать над плитой. Относясь с пониманием, мы всегда были рады её здоровой и сытной стряпне без особых изысков.

Половину тех блюд, что Аля метнула на скатерть, я и в периодически посещаемых ресторанах не видал. Холодное запечённое мясо, самодельная колбаса, какие-то неопишуемые овощные заготовки, всевозможная домашняя выпечка, уже упомянутые солёные огурцы и помидоры, маринованный лук и чеснок, и на горячее – умопомрачительные беляши. Фраза классика «Такое грешно есть помимо водки!» просилась на язык сама собой. Из покупного на столе оказались только сыр и «Столичная». Даже заправка – ягодный компот,

и тот был сварен по особому бабкиному рецепту.

Перенервничавшую из-за моей неожиданной стычки с матерью Алю быстро разморило. Теперь вполне успокоенная удачно прошедшим общением и, наконец, расслабившись, после очередной рюмки она подробно рассказала о своём житье-бытье и обширной родне. Под такую прорву закуси водка не цепляла, и я воспринимал информацию на «трезвую» голову.

Многодетная татарская семья Алиной матери испокон веку проживала в Орехово-Зуево и горбатилась на бывшем Морозовском швейном производстве. Мама рано вышла замуж за «правильного» татарина из Кубинки, и, переехав к мужу, устроилась на Второй Часовой Завод на Белорусской, где он работал. Обе дочери, Аля, и старшая на год, Динара и муж Динары – все дружно трудились в сборочных цехах часового производства, составляя рабочую династию, так ценимую при Советской власти. Единственной «белой вороной» стал Алин муж, сотрудник ГАИ. Ради женитьбы на любимой он принял мусульманство, строгий Алин отец категорически возражал против замужества младшей дочери с «неверным». Но, войдя в семью, муж стал крепко выпивать, достаточно быстро вышел «из ислама» и даже пару раз подрался с тестем, будучи изрядно «подшофе». Правда, и папа Али не уступал зятю в употреблении «сосудорасширяющих» и, не дотянув до пятидесяти, приказал долго жить. Мама всегда держала бразды правления в своих ру-

ках, так что после кончины отца ничего особенно не изменилось. Для обеих дочерей мать являлась главной надёжей и опорой, а мужья занимали только второе место. После Алиного развода молодая бабушка, а ей на тот момент исполнилось всего 42 года, полностью взяла на себя заботу о внуке и регулярно помогала дочери материально и натурально – домашними заготовками.

Любовь к кулинарному искусству и вкусной еде присутствовала в крови у всех членов семьи, и при этом они умудрялись оставаться вполне поджарыми. В каждый визит «тёща» забивала Алин холодильник доверху битком и ещё давала «сухими», поддерживая временно не работающую дочь. Стало интересно, сколько же зарабатывают знатные сборщицы и, опрокинув следующую стопку, я озвучил вопрос. Аля расхохоталась: «Если бы мы жили на оклады с премиями, давно бы зубы на полку положили!». И, далее, я услышал про некоторые хитрости часового производства, до которых сам бы никогда не додумался.

Существенно позднее, в начале 90-х, я трудился вместе с приятелем, имевшим за плечами богатый опыт работы механиком на флагмане отечественной табачной промышленности – фабрике «Ява», кстати, расположенной по соседству со Вторым Часовым Заводом. От него я узнал много интересного о рабочих буднях крупных московских предприятий. Не воровал на «Яве» только ленивый! Объёмы расхищаемых сигарет вполне поддавались описанию словосо-

четанием «Уму-нерастяжимо!». Рядовой механик «наваривал» за смену 20—30 рублей, а когда начали производить дефицит — «импортные» престижные сигареты «Мальборо» — «заработок» увеличился в разы.

В часовом производстве процесс заколачивая левых денег был поставлен несравнимо тоньше и хитроумней, что вполне соответствовало сложности производимых изделий. Любая универсальная деталь типа анкера и другие комплектующие были очень востребованы и с большим удовольствием реализовывались в многочисленные ателье Службы быта по ремонту часов. Элитные модели в сборе ровными рядами шли «налево», в основном, в кавказские регионы. При этом количественное «статус-кво» сохранялось за счёт подмены качественных часов выбракованными изделиями, также поступали и с основными узлами тонких механизмов, имелись отработанные годами и другие специальные приёмы и ухищрения.

К тому моменту тема часов интересовала меня уже несколько лет. Бывший тесть, служивший в Министерстве Внешней Торговли, уделял внешнему виду особое внимание и объяснил мне, тогда ещё неразумному, что хорошие часы, наравне с приличной обувью, являются неотъемлемым атрибутом любого успешного мужчины. В опубликованной в любимом журнале «Юность» повести «Растиньяк-77» главный, по тому времени отрицательный, герой определяющими приметами «справного» мужика определил фирмен-

ные джинсы, кожаный пиджак и японские часы.

Мой приятель Н — ов, летавший стюардом «Аэрофлота» по всему миру, регулярно подвозил новые модели «Citizen» неизвестного производства, но всё это были модные в то время электронные часы с множеством мелодий. Настоящая японская механика стоила запредельных денег, от трёхсот рублей, что составляло две с половиной моих зарплаты с премиями. Такие «ходики» могли себе позволить регулярно выезжающие «за бугор» дипломаты или кавказские джигиты с запредельными «понтами».

Из близких друзей родной японский «Orient» таскал только напарник по Гурзуфскому отдыху Шура «Помидор», руководящий сотрудник среднего звена Сокольнической продуктовой базы Москвы. Шура методично обновлял «куранты», и на моей памяти, по восходящей становился счастливым обладателем «Ориент» — «Рыбий глаз», «Ориент» — «на четыре удара» и «Ориент» — «Колледж».

Последнюю модель он носил, не снимая, уже года два, и даже при не всегда правильном образе жизни с часами ничего не случилось. «Помидор» нырял в них с волнореза в крымскую гальку, перепутав с пьяных глаз пляж с морем; неоднократно использовал в качестве кастета в «товарищеских недоразумениях» и глубоко погружался в морскую пучину на «Чеховке» в поисках мидий. Кроме многочисленных царапин на корпусе и свободно охватывающем мощное запястье металлическом браслете никаких других поврежде-

ний не наблюдалось. Сапфировое стекло сверкало гранями как новое, и механизм отсчитывал секунду за секундой точно, «как в аптеке».

В тот вечер я не особо вслушивался в «часовую» информацию, но какая-то часть «на корочку» записалась. Последним, и очень приятным сюрпризом пятницы явилась наступившая «ночь любви». Организм, подпитанный разнообразными деликатесами и окрылённый всеми положительными эмоциями прошедшего дня, достиг такого накала и неутомимости в деле убаживания отзывчивого женского тела, что я стал опасаться за здоровье Али. Она с радостью разделяла мой пыл, и мы уснули только под утро, убаюканные шумом первого весеннего дождя.

Телефонный звонок раздался в субботу ближе к середине дня, когда мы после плотного завтрака собирались перебраться на диван и заняться «повторением пройденного». Вернувшись из коридора, где на стене висел общий телефонный аппарат, Аля растерянно объявила: «К нам сейчас зайдут гости». «Кто на этот раз?», – находясь в умиротворённом настроении, я не был расположен делить с кем-либо Алино общество. «Это мои лучшие подруги – Аня и Инна, они внизу у магазина, спрашивали – что купить!». Совершенно не хотелось уподобляться экспонату зоопарка и проходить оценку Алиных приятельниц на предмет мужских достоинств в качестве потенциального жениха. Видя нерадостную реакцию на принесённое известие, Аля торопли-

во поведала, что после скоротечного расторжения её брака практически каждые выходные подружки поодиночке, а иногда и вместе, приезжают провести и поиграть с сынишкой. Они знакомы «тысячу лет», обе девушки в разводе и находятся в «творческом» поиске. Моё присутствие у Али явилось для них полной неожиданностью, она не успела предупредить, и подружки приехали на традиционный девичник. Сама Аля не очень рада визиту, но не гнать же взащей.

Как ни странно, девушки мне сразу понравились.

При виде Анны, рослой круглощёкой барышни, из памяти вынырнула характеристика настоящей «дочери Евы», данная старшиной Васковым «Есть на что приятно поглядеть!». Густые тёмно-рыжие волосы и усыпанная веснушками белоснежная кожа вкупе с яркими сине-голубыми глазами полностью соответствовала моим гипотетическим представлениям о дочерях Ирландии. Девушка после краха супружества проживала в однушке на Каховке и работала телефонисткой районной АТС.

Вторая подруга относилась к хорошо известному миру продавщиц, с которыми я вволю пообщался до ранней женитьбы.

Работницы советской торговли – «это что-то особенного!». По молодости лет я без всяких корыстных целей регулярно «поддруживал» с продавщицами самых разных магазинов нашей Автозаводской, что, как выяснилось, очень облегчало и расцветчивало ежедневную прозу жизни. Все девушки

ки, как на подбор, «твёрдо стояли на ногах» и являлись жизнелюбивыми «пеструшками-невозможницами», не ожидающими «серьезных намерений». В отличие от многих знакомых из «прослойки» интеллигенции, они имели крепкую нервную систему, никакой склонности к депрессии, и всегда были не прочь выпить и подрезвиться.

Плотную невысокую крашеную блондинку Инну немного портили золотая коронка на нижней челюсти и избыток макияжа на симпатичном личике. Она сразу достала из объёмной сумки бутылку экспортной «Посольской» и две «Советского Шампанского». За ними последовал стандартный набор продуктового дефицита – батон сырокопчёной колбасы, сервелат и банка красной икры. Анютины гостинцы были попроще: банка шпрот, кусок российского сыра и коробка шоколадных конфет. Кроме того, девушки привезли мальчуковые игрушки Алиному сыну и очень расстроились, что его не увидят.

Аня отправилась помогать Але на кухне, а Инна со словами «Обожаю Шампусик!», по-хозяйски достав из серванта бокалы, умело откупорила бутылку и разлила шипучку. Со словами «напитки не мешаю!» я налил себе водки, и по её инициативе мы тут же выпили «на брудершафт», чтобы сразу перейти на «Ты». Целовалась Инна очень умело, опыт чувствовался.

Когда Аля с Анной вернулись с горячим, Инна вовсю делилась подробностями производственной и личной жизни.

Анюта сначала несколько дичилась, но после «Белого медведя» – коктейля из водки с шампанским, перестала стесняться и активно включилась в общую застольную трепотню. Обед плавно перешёл в ужин, включили магнитофон, и я по-очереди танцевал с дамами «медляки». Девчонки пошушукались, и Аля предложила пригласить брата, но из телефонного разговора с отцом выяснилось, что Борьки до завтра не ожидается. К десяти часам вечера напитки закончились, и я по привычке стартовал в центральный районный ресторан «Огонёк».

Инна увязалась за компанию. Её приятно удивил оказанный приём: едва увидев меня, швейцар дядя Петя гостеприимно распахнул закрытую дверь с постоянно висящей табличкой «Мест нет». Курящий в предбаннике завсегдатай Дима, мясник из Кожуховского Гастронома, сразу полез обниматься, по ходу дела заодно плотно облапив Инну. Вызванная из зала официантка Люба, внимательно оглядев мою спутницу, со словами «Опять с новым симпомпончиком пришёл! И где только находишь!» ушла в подсобку за напитками. В фойе вылетел друг детства Эдуардик, услышавший от Димы о моём появлении. От Эдика отбиться не удалось. Мы выпили «Со свиданьем!», «За здоровье!» и за «Прису-зде-дам!», причём Инка энергично строила Эдику глазки, невзирая на то, что соотношение полов за столиком было 2:1 в пользу женщин.

Во время подъёма в лифте Инна слишком активно прижи-

малась ко мне в тесной кабине, но, будучи серьёзно не в себе, я значения этому не придал. Посиделки продолжились с новой силой, но перегрузка алкоголем сказалась, и меня потянуло на боковую. Аля отреагировала мгновенно – растелив диван, она отгородила его откуда-то взявшейся ширмой и потушила верхний свет. Я прямо в одежде плюхнулся поверх одеяла, а подружки продолжили негромкое застолье под свет настольной лампы.

Я проснулся в полной темноте от неуверенных попыток расстегнуть мне ремень. Со словами «подожди, сейчас сам» я быстро сдёрнул джинсы и притянул к себе девушку. Какое же было моё удивление, когда я понял, что обнимаю не Алю. В этот момент приоткрылась дверь, и Алин голос тихо спросил: «Инка, ты где?». Инна резко отстранилась и совсем сонным голосом пробормотала: «Да здесь, здесь». На мгновение вспыхнул свет, и ничего не заподозрившая хозяйка, аккуратно приподняв подругу, со словами «Да ты не дошла до места» отвела её за шторку и уложила на небольшой детский диванчик. Вернувшись, Аля завершила процесс моего раздевания, и привычно обвив, мгновенно уснула.

Воскресным утром, нечётко помнящие завершение вечеринки и смущённые, девушки, тем не менее, с удовольствием обильно позавтракали с употреблением горячительного «для поправки здоровья» и отбыли со словами «до следующих приятных встреч!». Оказалось, что Анята ночевала в пусту-

ющей соседней комнате на раскладушке, которую Аля там держала для особых случаев.

Ближе к вечеру заявили «тёща» с внуком. Симпатичный мальчуган, слегка похожий на Алю, но более славянской внешности, стесняясь пребыванием постороннего, не удостоив меня общением, сразу проследовал за ширму. Явно обрадованная моим присутствием Алина мама, доставая из многочисленных кошёлоч припасы, внезапно вытащила литровую бутылку прозрачной жидкости и протянула мне. «Это тебе! Первач очищенный, для себя гоним!». У нас дома на употребление спиртного отцом было наложено строгое неснимаемое «вето», поэтому такой презент от представительницы старшего поколения явился некоторой неожиданностью. Опробовать продукт «тёща» со мной отказалась под предлогом, что ещё далеко домой добираться. Но при следующей встрече обещала обязательно: «Ты не сомневайся!».

Проводив мать, Аля немного позанималась с сыном и уложила спать. Когда мы вместе перед сном принимали душ, она попросила: «Ты уж потерпи ночку до завтра, когда я Серёжку в сад отведу!».

В понедельник рано утром после плотного завтрака пельменями я отбыл на службу. За неделю отсутствия в нашем научно-исследовательском отделе ничего особо выдающегося не произошло. Если бы не комплимент встреченной в коридоре молодящейся бухгалтерши «Выглядишь как новый, аж завидно!» и подначка начальника «Вижу, не впустую

неделю провёл. Похудел и возмужал и наоборот! Не иначе снова подженился на молоденькой!» можно было подумать, что отлучка прошла незамеченной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.